

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1986

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

О СИНТАКСИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ

(НА МАТЕРИАЛЕ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В любом высказывании отражена соотнесенность описываемого события и акта речи, в свою очередь референтно включающего говорящего и опорные точки его пространственно-временного положения: «здесь», «сейчас».¹ Широко признана точка зрения, согласно которой категория времени входит в содержание предикативности предложения и выступает элементом его коммуникативного механизма.² Среди формальных средств выражения грамматического времени центральное место занимает глагол, реализующийся в предложении в одной из своих функциональных форм (финитных и инфинитных). Специфика их статуса разных глагольных подсистем и различия в синтаксической позиции в предложении не позволяют говорить о единой категории времени для глагола в целом. Категория времени финитных форм (ФФ) сложилась на базе их сказуемостной функции в комплексе с другими категориями предикативности предложения. ФФ выступает как член определенной синтаксической структуры и тем самым предстает как синтаксическая сущность в комплексе связей с другими членами предложения и как некая содержательная единица. Таким образом, «синтаксическое время» (в формальном облике ФФ глагола) это объект синтактико-семантического анализа предложения, при котором важна семантико-грамматическая характеристика его обязательных и необязательных компонентов. С другой стороны, те же основания позволяют видеть в ФФ и компонент другого синтаксического единства — сложного синтаксического целого (фразы, периода и др.).

Основное внимание при изучении грамматической категории времени глагола в тюркских языках обычно сосредоточивается на выявлении системного значения каждого из членов ее парадигмы. Хотя парадигматическая направленность такого анализа опирается на выявление различного рода употреблений, т. е. синтагматику формы, последняя предстает как набор «условий» употребления, не систематизированных в своей внутренней связи. Очевидно, что разграничение «морфологического» и «синтакси-

ческого» времени глагола возможно лишь на уровне лингвистического анализа. При морфологическом подходе синтаксическая реализация выступает как набор смыслов, в которых предстает инвариантное значение категории, и задача исследователя — определить, что же именно образует системную значимость формы. Переход к ее рассмотрению как компонента единицы более высокого яруса — предложения и сложного синтаксического целого — ориентирует анализ не на лексико-морфологическую единицу (морфему), а на морфокомплекс или же глагольное сочетание с полузнаменательным глаголом. Выделяемый таким образом формальный сегмент имеет двойкий статус: а) план выражения морфологической (глагольной) категории времени, рассматриваемой в парадигматическом аспекте при отвлечении от сопряженности разных категориальных значений; б) синтагматическая реализация морфологического времени в составе ФФ как единстве нескольких категорий, включенных в модально-коммуникативное устройство предложения. Понятие «синтаксического времени» применимо именно к такому участию морфологической категории времени в составе ФФ.

Анализ ФФ как элемента синтаксической конструкции предполагает, что именно будет рассматриваться в качестве таковой: структурная или семантическая (типовое значение) модель предложения. Любая ФФ участвует в выражении предикативности, поэтому понятие структурной модели как в ее минимальном варианте,³ так и в терминах расширенной структурной схемы⁴ не раскроет специфики синтаксического времени. Наличие ФФ — это уже включение пропозитивной номинации в модально-коммуникативный механизм предложения. Расширение его состава (развертывание смысла) связано не столько с предикативными свойствами глагола, сколько с семантико-грамматическими условиями его реализации в структуре. Поэтому изучение ФФ в аспекте «внутрипредложенческого» синтаксиса представит больший интерес, если учитывать прежде всего семантическую структуру предложения, типовое значение ее субъектно-предикатных связей.⁵

Акцент на анализе именно ФФ, повернутой как к пропозиционной, так и коммуникативной организации предложения, делает необходимыми: а) характеристику глагола как предикатного выражения, причем значимыми здесь оказываются такие свойства, как динамика / статика глагольного признака, фазовость действия, категориальные значения определенности / неопределенности семантических актантов и др.; б) интерпретацию категориального значения ФФ как причины / следствия семантической структуры предложения (например, возможность интерпретации категории акциональности / неакциональности как отражение событийного / несобытийного типа семантической структуры предложения);⁶ в) рассмотрение категориальных значений ФФ в свете коммуникативных параметров предложения — модального типа предложения, ремо-тематической организации; г) рассмотрение

ФФ как способа организации сложного синтаксического целого, тем самым как элемента организации текста.

Синтагматика ФФ внутри предложения, расширение его смысла — это взаимосогласованность (плеоназм) семантических признаков его компонентов, т. е. организация смысла предложения по принципу полевой структуры,⁷ а следовательно, и запрет на расширение при опасности рассогласования. Например, в типовой семантической структуре квалифицирующего значения *On yıldanberi çalışmışım* 'Я [здесь] уже десять лет работаю' обнаруживается запрет на введение конкретизирующих темпоральных распространителей типа 'вчера', 'в прошлом году' и др., фазисных уточнителей (типа 'начал', 'кончил') и т. д. Их введение переводит семантический тип предложения в событийный, что обуславливает иную ФФ.

Итак, остановимся на некоторых вопросах синтагматики ФФ в предложении, взяв в качестве объекта формы турецкого индикатива. В противопоставлениях форм внутри парадигмы индикатива обнаруживается, что такие пары в сфере настоящего, как *-iyog* и *-(⁰)g*, а также *-dı* и *-miş* в сфере прошедшего не получают адекватной интерпретации в темпоральных признаках. Внутри каждой пары имеет место противопоставление по признаку акциональности. Это свойство состоит в способности актуализировать действие как таковое, в его реальном процессе, или снимать таковой, актуализировать не действие / состояние, а его субъект, используя характеризующие возможности глагольного признака. Акциональность является преломлением в морфологической системе форм индикатива типа семантической структуры предложения, в которой отражен событийный или логический компонент смысла предложения.

В паре *-iyog* : *-(⁰)g* первая выступает акционально насыщенной, вторая акционально опустошенной. Традиционно отмечаемое в *-(⁰)g* значение «вневременности» получало разное толкование: через аспектуальную оппозицию,⁸ как значение абстрактности действия,⁹ как особое наклонение потенциальности.¹⁰ Если иметь в виду историческую акциональность *-(⁰)g*, то ее угасание объясняется положением данной формы именно в системе индикатива, но не проявлением ее причастных свойств. Следует отметить, что акциональное / неакциональное представление не совпадает с семантическим признаком динамики / статики в глаголе, так как и состояние может иметь акциональное выражение. Ср. *yatıyor* 'лежит', *bulunuyor* 'находится' и др. Форма *-(⁰)g* имеет такие функции: а) не сигнализирует о факте прошлого, б) актуализирует характеристику субъекта через действие / состояние, в) указывает на способность субъекта к осуществлению действия / состояния. Функции б) и в) связаны с семантическим признаком неакциональности в форме. Определение значения *-(⁰)g* в терминах абстрактности действия оправдывает себя лишь в случаях, когда субъект представляет некоторый класс предметов. Ср. *Kuş uçar* 'Птица (птицы) летает'. Выделение единичного

представителя класса или его конкретизация не способствует сохранению этого значения, смещая его в план потенциальности: *Bir kuş uçar* 'Одна птица может полететь (из нескольких)' и *Bu kuş uçar* 'Эта птица может (у)лететь'. Только в условиях ситуационной противопоставленности двух предметов эта форма может выступить со значением свойства: *Bu kuş uçar, ötekisi uçmaz* 'Эта птица летает (=летающая), а та — нет'. Обе функции обуславливаются взаимодействием следующих факторов: типом семантического содержания глагольной основы и свободой или связанностью ее актантов с характером деятельности. Имеется в виду связь типа *içmek* 'пить' (воду, чай, молоко, вино и др., но при конечном наборе объектов) и тип *çalışmak* 'работать' с достаточно неограниченным количеством сфер деятельности. Внутри первой группы можно выделить глаголы активной деятельности, в которых объект указывает на вид деятельности, определяет ее, сближаясь с одноместными глагольными предикатами. Ср. *piyano çalmak* 'играть на фортепиано', *sigara içmek* 'курить'. Глаголы этого типа могут выявлять обе функции: характеристику субъекта (*piyano çalırım* 'играю на фортепиано' / 'умею играть'; *sigara içerim* 'курю' = имею такую привычку) и способность к действию ('могу играть', 'могу курить' / 'выкурил бы'). Глагол действия, свободно связанный со своим конкретизатором, типа *fabrikada çalışmak* 'работать на заводе', *parkı gezmek* 'гулять по парку' в минимальном контексте не передает первой функции: *Fabrikada çalışır* — это скорее 'Он может работать на заводе', нежели 'Его характеризует работа на заводе'. Последнее значение возникает лишь в условиях особого контекста: в сложном синтаксическом единстве, где первый компонент имеет квалифицирующее значение. Ср. *İşçiyim, fabrikada çalışırım* 'Я рабочий, работаю на заводе'. Неакциональное представление действия исключает в предложении его расширение через темпоральное определение: **yirmi yıldanberi fabrikada çalışırım* для смысла «вот уже двадцать лет работаю на заводе».

В глаголах состояния функция свойства субъекта ограничена конкуренцией именных предикатов: для «я лениюсь (=ленивый)» не **tembelleşirim*, но *tembelim*; для «я трусливый» не **korkarım*, но *korkağım*, т. е. в случае значения квалификации субъекта предпочитается именная структура предложения при наличии соответствующего отглагольного прилагательного. В реализации функции свойства субъекта от глаголов состояния может наблюдаться семантическое сближение зон двух форм: $-(^0)g$ и $-iyor$. Ср. *Türk atasözleri bilir misin? / biliyor musun?* 'Ты знаешь турецкие пословицы?' Однако и в этом случае часто проступает именно неакциональное значение. Ср. *Sen Şirini çok seversin, Mehmene Banu (N. Hikmet)* '(Да), ты очень любишь (=умеешь любить) сестру, Мехмене Бану'. Глаголы состояния даже в прямой соотнесенности с моментом речи могут выступать с неакциональным значением, передавая характеристику субъекта через его действие. Ср. *Bakın, general general yürürüm ben (Nesin)* 'Смотрите, я хожу

как генерал (=такая у меня походка)'. Именно неакциональное содержание $-(^0)$ г обуславливает эту форму в высказываниях перформативного типа, где глагол, по существу, формирует модальную рамку, для которой выражение акциональности несущественно. Ср. *Zannederim ki gelmeysesek* 'Я полагаю, что он не придет', *Geç gelecek sanırım* 'Я думаю, он придет поздно', *Korkarım, gelmeysesek* 'Боюсь, что он не придет'. Ср. пример акционального представления тех же глаголов: *Düşünüyorum, demek, varım* 'Я мыслю, следовательно, я существую'.

Приписываемое форме $-(^0)$ г значение вневременности (всеобщности, абстрактности) поддерживается лишь на уровне предложения расширением его смысла семантическими элементами обобщенности субъекта (*İnsan yaşar, ölür* 'Человек живет, умирает'), множественности реализаций (*Her gün spor yapar* 'Каждый день он занимается спортом'), ситуацией референтной невозможности приписать субъекту определенное свойство (**ailesini kit kanaat geçindirir* для «он с трудом содержит семью»; в этом случае возможна лишь вторая функция — потенциальности действия), параллельным употреблением трансформов (*Öğretmenim, öğretmenlik yaparım* 'Я преподаватель, преподаю'). Для реализации второй функции (потенциальности действия) нет контекстуальных ограничений, хотя именно условия контекста определяют одну из указанных двух функций $-(^0)$ г. В силу контекстуальной неограниченности значения потенциальности понятно развитие в некоторых тюркских языках этой формы в будущее предположительное. Инвариантным значением $-(^0)$ г для турецкого языка на современном этапе развития этой формы является ее неакциональность, или акциональная опустошенность.

При индивидуальном субъекте ограничения в неакциональном представлении налагаются особенностями денотата, например, если деятельность субъекта не может быть индивидуализированным свойством, выделяющим его из класса. Ср. **Volga akar* для «течет Волга», но возможное *Volga donar* 'Волга замерзает'. В первом случае неакциональное представление действия возможно, если структурная схема включает в свой состав приглагольное определение типа *yavaş* 'медленно'.

Аналогичное соотношение мы наблюдаем в паре $-di : -miş$. Инвариантное значение формы $-miş$ не связано с действием как таковым. Оно трансформируется в качество, характеристику субъекта, в материальный результат, характеризующий субъект. С точки зрения морфологии можно говорить об обособлении надкатегории наклонения / модальности пересказывательности, парадигма которой включает формы $-miş, -irmiş, -iymuş, -acakmış, -mişmiş$ (тем самым $-miş$ — это два оморфа). Претеритальная функция $-miş$ как модальности пересказывательности и имплицитно прежде всего указывает на вторичный источник сведений о действии, но не действие как таковое. Сама модальная трансформация этой формы стала возможна в силу ее акциональной пустоты. На ее основе формируется третий компонент смысла пред-

ложения — оценочный.¹¹ Семантико-грамматические свойства (F) -miş в отличие от (-⁰)г менее связаны семантико-грамматическими признаками глагольной основы. Так, значение результативности может возникать вопреки неопределенности глагольной основы. Ср. *Bizi beklemiş* '[A] он нас ждал' (на основании косвенных результатов неопределенного действия). «Внутрипредложенческая» синтагматика -miş как перфекта и -miş как элемента пересказывательной модальности складывается таким образом.

а) Для перфектной функции свойственно ограничение на сочетаемость с обстоятельствами календарного времени. Например, *Buraya dün* [12 *Haziranda v. s.*] *gelmiş* воспринимается только как факт вторичной информации, но ср.: *Buraya otuz yıldan önce gelmişiz* 'Мы сюда приехали тридцать лет тому назад' (= 'мы здесь уже тридцать лет'). Следует отметить, что квалифицирующий тип семантической структуры предложения в тюркских языках в своем формальном выражении широко использует именно глагол (в отличие от именной структуры, например, русского предложения квалифицирующего типа). Как частное проявление значения перфектности именно для турецкого языка следует отметить тенденцию к сращению с оценочным значением (отсюда многочисленные экспрессивные оттенки особенно в формах 1-го, 2-го лица). Ср. *Neler görmüşüz!* '[Эх], чего мы только ни повидали!'

б) Для пересказывательной функции -miş необходимо указание на вторичный источник информации, который может содержаться и в общей ситуации сообщения (текста вообще, ср., например, жанр сказки).

Наличие неакциональных форм выявляет себя и в следующем ярусе коммуникативного устройства предложения — модальном типе и ремо-тематическом устройстве предложения. Значительная часть употреблений неакциональных форм в кажущемся акциональном значении или сдвиге темпоральных значений форм приходится на вопросительные предложения и на употребления, содержащие отрицание. Ср. *Sen buralarda ne ararsın, aşık?* (Taner) 'Ну, что потерял здесь, поэт?' (букв. 'что ты здесь ищешь?'). В вопросительных предложениях с местоименным выражением ремы фиксированная позиция глагола-сказуемого — рематического центра предложения — противоречит общему коммуникативному заданию предложения. Формальный способ разрешения этого противоречия — перевод актуализированной акциональности действия в неакциональность, тем самым перевод самого действия на второй план. В ряде тюркских языков акциональная опустошенность перфекта служит способом ремо-тематической организации и повествовательного предложения. Ср. перевод известного отрывка из «Ревизора» Н. В. Гоголя, где купцы приходят жаловаться на городничего: *Допустите, батюшка! Мы за делом пришли!* Ср. азерб. *Biz işi üçün kəlməmişik*, узб. *iş bilan kəlganmiz*, якут. *биһиги киниэхэ дьыалалаахпыт*, но тат. *без эш белэн килдек*, туркм. *biz işi üçün gelдик*, тур. *biz bir iş için geliyoruz* и т. д. Обратим внимание на то, что модально-оценочная

спецификация -miş в турецком языке оттесняет ее собственно нейтральной перфектной значению. В этом смысле категория акционального / неакционального представления действия, являющаяся результатом воздействия семантической структуры предложения, как сформировавшаяся формальная категория самостоятельна в своем морфологическом статусе и определяет иное формальное выражение соответствующей семантической структуры. Так, семантический тип наличия / отсутствия, связанный с глагольным признаком, но не актуализирующий действие, в турецком языке обуславливает и иной структурный тип предложения. Для передачи смысла «кто не брал билеты?» [обычный вопрос в трамвае] может быть использована только именная структура: *Bilet almıyanlar var mı?* букв. 'есть ли не бравшие билет?', поскольку финитная форма будет актуализировать действие или субъект, что не существенно в данной ситуации.

Синтагматика акциональных форм внутри предложения и их роль в организации его смысла также имеет свои закономерности. Акциональное представление действия включает его количественную характеристику, потенциальную исключаемость (дискретной — недискретной) протяженности, кратности), фазисность. Форма -dı считается нейтральной к подобного рода характеристикам, хотя толкование ее значения как «завершенности»¹² не очень точно отграничивает ее от славянского совершенного вида и значений, связанных с семантико-грамматической категорией предельности. В тюркологии нашла достаточно широкое признание точка зрения, согласно которой в системе индикатива, на узком ее участке, существует аспектуальное противопоставление форм, включенное в темпоральную и, добавим, акциональную организацию этой категории сложной иерархии.¹³ Инвариантным признаком -dı, помимо ее акциональности, является аспектуальный признак целостного охвата действия («взгляд на действие извне»). Качественно-количественные характеристики действия в форме -dı лежат в сфере ее синтагматики, обуславливая тем самым расширение состава и смысла предложения. Другим следствием синтагматики -dı внутри предложения является его роль в сложном синтаксическом целом.

Известно, что тюркская глагольная основа может отражать лишь денотативную направленность деятельности к пределу, тем самым к своей терминальной фазе (например, *düşmek* 'упасть'), или ненаправленность (и к начальной фазе), например, *beklemek* 'ждать'. Форма -dı говорит о терминальной фазе единичного действия лишь при предельно-отнесенных глаголах. Ср. *Evine vardı* 'Он добрался до дома'. Контрольным тестом терминальной фазы или принципиального отсутствия таковой могут быть ограничительно-темпоральные и предельно-темпоральные детерминанты действия. Ср. *Evine iki saatte vardı* [*iki saat] 'Дошел до дома за два часа'; *İki saat bekledi* [*iki saatte] 'Ждал два часа'. Выраженность терминальной фазы при предельно-нейтральных глаголах (даже таких, где денотативно предполагается завершение

действия каким-либо результатом, например «строить») зависит от роли семантического объекта — квалифицирующей действие или собственно объектной. Ср. *Ev kurduk* 'Мы строили дом' = 'занимались строительством дома', поэтому возможен детерминант типа *iki yıl* 'два года' (указатель протяженности), но не *iki yılda* — указатель количественной предельности. При формальной выделенности объекта (единичность или определенность) денотативное представление о результате действия получает выражение и в формальной языковой структуре. Ср. *Bir ev kurduk* 'Мы построили дом' (при возможном *iki yılda*, но не *iki yıl*). То же в случае определенности объекта: *Evi kurduk* (*iki yılda*, но *iki yıl). Количественный детерминант при *-iyordu* исключен, поскольку инвариантным значением формы является протяженность действия вне фиксации его границ, т. е. **iki saatte evine varıyordu* или **iki saat bekliyordu*. Возможность связи *-iyordu* с детерминантом типа *iki gün içinde* букв. 'внутри двух дней' согласуется с основным значением *-iyordu* (русский перевод 'в течение двух дней' подчеркивает не содержащееся в турецком обороте указание на протяженность, а лишь количественное содержание отрезка действия).

Синтагматическая выраженность терминальной фазы в *-dı* обуславливает сильную позицию аспектуального противопоставления *-iyordu* : *-dı*. Ср. *Gülizar merdivenlerden aşağı iniyordu. . . Usta durdu. Gülizarın aşağı inmesini bekledi* (N. Hikmet) 'Гюлизар спускалась по лестнице. Мастер остановился. Ждал, когда она спустится'. Именно такая позиция (типа *-iyordu . . . -dı*) определяет границы сложного синтаксического целого («ситуационный тип»). В случае неопредельного глагола (ср. *iniyordu. . . bekledi* 'она спускалась. . . он ждал'; русский перевод 'подождал' был бы примысливанием русской видовой специфики) границы ситуативного типа оказываются неопределенными и оставляют место для завершения ситуации. Это или форма *-dı* со значением предельности, или аналитическая форма с анафорической отнесенностью к другому событию.

Акциональность включена в темпоральное противопоставление форм индикатива. Собственно темпоральное содержание форм примарной временной оси (простых форм, или собственно категории времени) взаимосвязано с семантической структурой предложения лишь через акциональное содержание форм и не выступает определяющим фактором синтаксической роли ФФ как элемента формальной структуры предложения, т. е. для формальной структуры глагольного предложения в принципе нерелевантно распределение ее примарных форм по сферам прошедшего, настоящего, будущего. Однако категория глагольного времени имеет иерархическую структуру, так как включает в себя категорию таксиса (формально выраженное членение временного пространства на вторичной, относительной временной оси с опосредованной отнесенностью к абсолютной точке отсчета — позиции субъекта речи). Специфика тюркского таксиса состоит в том, что

его формы маркируют отнесенность от момента речи в дистанцированное прошедшее (функция сигнала о переходе к повествованию). Ср. *Onun hikâyesi vardır. . . diyerek başladı. Nahiye müdürü haber yollamıştı: Bu yıl sizin köyde otuz domuz vuracaksınız (Nesin) 'Это целая история, — начал он свой рассказ. — Волостной начальник прислал распоряжение: «В этом году вы должны отстрелять тридцать кабанов»'.*

Связь с другим событием (событиями) обуславливается наличием системы форм, в целом повторяющей характер соотносительности форм примарной оси. Сфера «чистого» повествования, основывающегося на формах таксиса, ведущей формой тем не менее имеет простую форму *-dı*, на которую проецируется позиция говорящего (в моноповествовании также *-mış*). Наличие формы одновременности с этим вторичным моментом ориентации и создает основу аспектуального противопоставления двух форм *-iyordu* : *-dı*, однородных и по акциональности, и по позиции на временной оси. Как ведущая форма сферы повествования *-dı* играет определяющую роль в формировании минимальных синтаксических единств, больших, чем отдельное предложение. В их организации участвуют и другие средства: темпоральные наречия, местоимения и др., но важнейшую роль играют именно формы времени как способ синтаксической связи предложений. Разветвленность системы таксиса, вероятно, в известной степени предопределила слабое развитие союзов собственно тюркского происхождения.

Сложная конструкция с формами таксиса как способа связи обычна при повторе глагола в обеих частях синтаксического целого. Ср.: *Dün geldi. Geçen sene de gelmişti* 'Вчера приехал. Прошлый год тоже приезжал'; *Geçen sene geliyordu, şimdi gelmez oldu* 'В прошлом году приходил, теперь перестал'.

Существование минимальных синтаксических единств, объединенных соотносительностью употребления форм сказуемого, более отчетливо прослеживается в сфере повествования. В диалогической речи связанное событие минимального синтаксического единства может быть скрытым в общем знании участников коммуникации. Ср.: *Uyuyor muydun? — Uyuyordum (Nesin) 'Спишь? — Сплю' (букв. 'Ты спал? — Спал [когда прозвенел телефон])*. Оно может содержаться в анафорическом элементе, указывающем на обещанное в прошлом исполнение действия. Ср. *Hani gelmişti? 'Ты говорил, что он придет. Ну, и где же он?' (букв. 'Где он пришел?'); Hani korkmazdın? 'Ведь ты говорил, что не боишься!' (букв. 'Ну-ка, ты не боялся!')*.

Для сферы повествования, прежде всего языка художественной литературы, характерны различные типы соотносительности минимум двух ФФ с определенным типом семантической связи. Двухкомпонентность такого целого фактически сохраняется даже тогда, когда один из них представлен цепью однородных событий. Ср. *Güz geçti. Kış geçti. İlkbahar gelip de mayıs güneşi bir genç kızınkine benzeyen ılık nefesine tabiata hohlayınca bademler birden beyazlara büründü. Kızlar kokularını süründü. Deniz anide duruldu.*

О sâkin mavisini yeniden buldu. Bu arada ihtiyar kavak da tomurcuklanır yaprak açmıştı (Taner) 'Так прошла осень. Прошла зима. А когда пришла весна и майское солнце одарило природу своим легким как у юной девушки дыханием, миндаль вдруг окутался в белое. Потянулся аромат с полей. Море вдруг стихло, стало снова безмятежно голубым. И тогда старый тополь распустил листву'. ФФ в частях сложного целого могут быть связаны:

а) квалификативным значением второго предложения в отношении семантического актанта первого предложения. Ср.: Ben vaktiyle Kandilli iskelesinde ihtiyar bir gişe memuru tanıdım. İnsanın eline bakır . . . geçmişini geleceğini . . . teşhis ederdi (Taner) 'В свое время я знал одного старого кассира на пристани Кандилли. Он мог, глядя на руки человека . . . определить его прошлое и будущее'; Takım kaptanımız Ercüment mebus oğlu idi. Toplarla formaların parasını o veriyordu (Taner) 'Капитаном команды был сын депутата Эрджюмент. Это он давал деньги на мячи и форму';

б) причинно-следственными соотношениями двух событий. Ср. тип -di. . . -mişti: Ben okumasını askerde öğrendim. Benim çocukluğumda köydeki bu okul daha yapılmamıştı (Nesin) 'Грамоте я научился на военной службе. . . В детстве в деревне еще не было этой школы'; тип -mişti. . . -dı: Şimdi size yeni düzdüğüm bir Şarkıyı okuyacağım, dedi. Herkes kulak kesilmişti (Taner) '«Сейчас я вам исполню свою новую песню», — сказал он. Все прислушались';

в) разграничительной связью динамики / статики одного тематического отрезка. Ср.: Kadın Bekçiye doğru derin bir soluk verdi. Onun ılık nefesini Zulfikâr ta burnunda, bıyıklarında hissetmişti. «Sonbahar da geliyor gayri» dedi (Taner) 'Женщина глубоко вздохнула прямо [в лицо] сторожа. Зульфикар почувствовал ее теплое дыхание прямо у носа, на устах (~ на усах). «Осень, однако, идет», — сказал он'. Форма -mişti снимает хронологическую последовательность действий, которую вносит цепочка форм -di;

г) однородностью действий (при одном и том же глаголе) разных субъектов или хронологически дистанцированных действий одного субъекта. Ср.: Kim bakan olmak ister? Timarhaneyi dolduran akıllıların hepsi birden iki ellerini de havaya kaldırdılar. Bazıları yere sırt-üstü yatıp hem ellerini, hem ayaklarını havaya kaldırmışlardı (Nesin) 'Кто хочет стать министром? — Все нормальные, заполнившие сумасшедший дом, подняли каждый обе руки. Некоторые, лежа на земле, подняли и руки, и ноги'; Ücretin yarısını peşin ödemiştim, mütebakisini de o gün tediye ettim (Taner) 'Половину стоимости я оплатил вперед уже тогда, а остальное выплатил в тот день';

д) соотношением динамики / статики двух акционально представленных событий. Тип -iyordu. . . -di: Şapkamı aldım sıvıyordum. . . Arkamdan seslendi (Taner) 'Я взял шляпу и [хотел было] уже ускользнуть. . . как она окликнула меня'. Тип -di . . . -iyordu: Asım Necmi'ye, Necmi Asıma baktı. Birinin bakışında

dehşet, öbürünün bakışında memnuniyet *okunuyordu* (N. Hikmet) 'Асым посмотрел на Неджми, Неджми на Асыма. Во взгляде одного проглядывал ужас, у другого — удовлетворение'.

Изучение ФФ в организации синтаксических единств далеко не исчерпывается перечисленными типами. Можно лишь подчеркнуть, что некоторые типы сочетаний ФФ являются обязательными в создании синтаксического единства определенного семантического типа. Другие служат скорее для создания «рельефа повествования»¹⁴ и входят в область стилистики определенных функциональных разновидностей языка. Их детальное изучение было бы одним из подготовительных этапов работы по созданию лингвистики текста на материале тюркских языков.¹⁵

· ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 296.

² Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 277.

³ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 746.

⁴ Ахматов И. Х. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1983, с. 198.

⁵ Золотова Г. А. О структуре простого предложения в русском языке. — ВЯ, 1967, № 6, с. 92.

⁶ Шмелева Т. В. О семантике структурной схемы предложения. — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1978, т. 37, № 4, с. 356.

⁷ Адмони В. Г. О синтаксической семантике как семантике синтаксических структур. — Изв. АН СССР. СЛЯ, 1979 т. 38, № 1, с. 34.

⁸ Johanson L. Aspekt im Türkischen. Uppsala, 1971, S. 100.

⁹ Кузнецов П. И. Система функциональных форм глагола в современном турецком языке: Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. М., 1983, с. 20.

¹⁰ Любимов К. М. Абстрактное наклонение в турецком языке. — СТ, 1973, № 3, с. 11.

¹¹ Шмелева Т. В. О семантике структурной схемы предложения. с. 356.

¹² Кузнецов П. И. Система функциональных форм глагола. . . , с. 20.

¹³ Кошмидер Э. Турецкий глагол и славянский глагольный вид. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 384; Грунина Э. А. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении): Автореф. дис. . . . докт. филол. наук. М., 1975, с. 13; Johanson L. Aspekt im Türkischen, S. 100.

¹⁴ Weinrich H. Tempus. Stuttgart, 1964, S. 160.

¹⁵ Николаева Т. М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII, М., 1978, с. 23.